Шэн Шаою почувствовал, что в словах Ли Боцяо скрывается какой-то подтекст, и тут же помрачнел. Однако собеседник прямо ничего не высказывал, так что устраивать скандал первыми было не с руки. С холодным выражением лица он бросил:

— Ты со своими тремя примитивными приёмами ещё замахнулся на четыре заезда? Батя столько денег зарабатывает, а ты небось надеешься проесть всё его состояние! Сиди тихо в своей детской машинке на сто кубиков и не рыпайся!

Ли Боцяо отпустил сальные двусмысленные шуточки в адрес Хуа Юна. Шэн Шаою сдержал гнев, до упора вдавив педаль газа так, что мотор взревел.

В первом же заезде он побил собственный рекорд, выбежав из тридцати трёх секунд.

А вот Ли Боцяо повезло гораздо меньше: за восемь кругов он умудрился дважды врезаться в ограждение и в конце концов застрял на барьере безопасности, уныло дожидаясь эвакуатора. Проявив все свои «таланты», Ли Боцяо показал «прекрасный результат» со средним временем круга в минуту и сорок две секунды.

После нескольких заездов все изрядно устали.

Когда Шэн Шаою вышел из карта и снял шлем, Хуа Юн заметил, что альфа по имени Чэн Чжэ всё это время стоял рядом. Протянув любимому альфе спортивный напиток, Хуа Юн повернулся и спросил приставаавшего к нему А-классового альфу:

— Господин Чэн, вы разве не будете кататься? Стоять здесь одному, наверное, скучно.

Чэн Чжэ тут же ответил:

— Ни капли. Я постою здесь, посмотрю на Шэн-гэ и остальных, так даже лучше.

— Правда?

— Угу, — кивнул Чэн Чжэ. — К тому же одному гонять на мотоцикле не так уж интересно. Шэн-гэ вообще не любит мотоциклы, считает их слишком опасными.

— Разве ездить на мотоцикле опасно? — Хуа Юн склонил голову и с любопытством спросил: — Разве для этого не существуют специальные костюмы?

— Вот именно! — Чэн Чжэ, казалось, нашёл родственную душу. От избытка чувств он попытался взять Хуа Юна за руку, но тот отпрянул назад. Чэн Чжэ тут же сообразил, что повёл себя не совсем уместно, и вместо этого похлопал Хуа Юна по плечу: — Я всегда это говорю! На самом деле гоночный трек невероятно безопасен, куда безопаснее дорожных мотоциклов! А-

Юн, если тебе интересно, я могу тебя научить.

Хуа Юн кивнул ему:

— Спасибо, господин Чэн.

Не успели они договорить, как плечо Хуа Юна неожиданно отяжелело. Обернувшись, он увидел недовольного Шэн Шаою, который приобнял его так крепко, что едва ли не всем весом повис на нём, и ревниво процедил:

— О чём это вы тут болтаете? Так весело, что даже спасибо говорят?

Хуа Юн тут же улыбнулся ему:

— Господин Чэн предложил научить меня ездить на трековом мотоцикле!

Шэн Шаою стоял очень близко, но Хуа Юн нисколько не смутился перед остальными. Он легко прижался гладким лбом ко лбу Шэн Шаою и мягко похвалил его:

— Господин Шэн, то, как вы только что управляли картингом… это было так круто!

— Серьёзно? — Тучи на лице Шэн Шаою моментально рассеялись, и он пальцем потрепал его прямой нос. — Признавайся, пока я не видел, объелся конфет? Почему у тебя такой сладкий рот?

— Я говорю чистую правду.

Наблюдая за их воркованием, Чэн Чжэ почувствовал, как во рту появляется кислинка. Едва утихший зуд в руках вспыхнул с новой силой. Он покосился на Ли Боцяо, извечного любителя всевозможных красавчиков, и, разумеется, заметил, что тот пялится на парочку во все глаза, точно так же потеряв дар речи.

Где только Шэн Шаою откопал такое сокровище? От него веяло ароматом орхидеи, от которого сердце замирало в груди; когда он был холоден и строг — вылитый аскет, а когда улыбался — одновременно чистый и соблазнительный, и при этом в нём напрочь отсутствовал малейший налёт дешевой вульгарности.

Чэн Чжэ и Ли Боцяо обменялись выразительными взглядами: мол, мать честная, слюнки текут, но из-за беспрецедентной собственнической ревности Шэн Шаою оставалось только стерпеть.

Ладно-ладно, на чужих павлинов не зарись. Эта орхидея и правда хороша, раз сумела заставить

Шэн Шаою, который никогда не возражал поделиться с друзьями тем, с чем уже наигрался сам, открыто и бесстыдно ревновать.

Неужели этот умопомрачительный красавчик вовсе не рядовой эскортник, а самая настоящая молодая госпожа?!

Чэн Чжэ уже много лет увлекался дорожными мотоциклами, но подсел на трековые версии всего пару лет назад. Техника у него была отличная, и при любой возможности ему не терпелось покрасоваться. Узнав, что Хуа Юн заинтересован, он с ещё большим энтузиазмом принялся уговаривать его попробовать.

Хуа Юн потащил за собой только что вернувшегося с трека Шэн Шаою и заявил, что хочет прокатиться на мотоцикле.

Сначала Шэн Шаою наотрез отказался, но, столкнувшись с его полным надежды взглядом и трижды перепроверив у тренера уровень безопасности, в конце концов сдался.

Хуа Юн действовал быстро: не прошло и нескольких минут, как он вернулся в экипировке, заставив замереть даже привыкшего к его внешности Шэн Шаою.

Воздух будто застыл, и все вокруг затаили дыхание от открывшегося зрелища.

Маленькая орхидея облачилась в чёрный мотокостюм. Специальный защитный дизайн плотно облегал его фигуру, чётко очерчивая узкую талию омеги, округлые упругие ягодицы и длинные прямые ноги.

В тонких руках он держал чёрный глянцевый шлем, а мягкие пряди каштановых волос спадали на лоб. В таком наряде даже самый невинный взгляд казался полным скрытого подвоха, пробуждая в каждом альфе непреодолимое желание грубо завладеть им.

Однако в его мыслях и глазах существовал только Шэн Шаою. Обхватив шлем руками, он одарил Шэн Шаою предназначенной исключительно для него мягкой улыбкой и тихо произнёс:

— Господин Шэн, я переоделся.

Шэн Шаою в очередной раз подумал, что его период восприимчивости, похоже, всё ещё не закончился. Иначе откуда бы в его голове взялись столь безумные мысли? Ему захотелось зажать тонкии запястья и щиколотки этой орхидеи, впиться в его губы поцелуем, прижать к себе за узкую талию и проникнуть в его потаённый сад, куда ещё не ступала нога человека.

Потирая пульсирующие виски, Шэн Шаою думал о том, что зря он дал добро на эту мотоавантюру и позволил ему разгуливать в таком виде перед толпой народа… Чёрт возьми, да он же просто умопомрачительно горяч!

Газ выжат до предела, рев цилиндров двигателя пронзает воздух оглушительным шумом. Серебристо-серый тяжелый трековый мотоцикл промчался по асфальту, оставляя за собой ослепительную дугу светового следа, похожую на вспышку молнии.

После двух кругов на разогрев шин Чэн Чжэ, мнивший себя знатоком трековых байков, больше не смог угнаться за этой маленькой орхидеей.

Эта орхидея, казалось, была реинкарнацией бога гонок. Кажется хрупким, словно сломавшаяся от одного щелчка рука, запястье мёртвой хваткой удерживало руль. Наклонившись над корпусом, он походил на чёрную пантеру, выслеживающую добычу, и обладал отменным «чувством трассы», ничуть не уступающим профессиональным гонщикам. Точки входа в повороты и торможения были рассчитаны безупречно, а умение вовремя поддать газу на апексе заставило стоявшего рядом тренера, сопровождавшего его при первом знакомстве с трассой, отвиснуть челюсть.

Ли Боцяо стоял плечом к плечу с Шэн Шаою у зрительской трибуны. Ослеплённый красотой этой редчайшей орхидеи уже во второй раз, он не выдержал и толкнул Шэн Шаою локтем в бок:

— Где ты откопал этот цветок? У него случайно нет братьев или сестёр? На худой конец сойдут и двоюродные с троюродными, я чёрт побери тоже хочу попытать удачу!

Шэн Шаою самодовольно усмехнулся:

— Есть сестрёнка, но она ещё совсем маленькая.

— Ничего, я готов подождать, даже если она пока в животе у матери. Если в ней будет хоть половина очарования её старшего брата, я постараюсь дожить до того момента, когда пометить её станет законно!

Шэн Шаою с жалостью и сочувствием посмотрел на него:

— Боюсь, этого ты не дождёшься. Его сестра — альфа.

Ли Боцяо мгновенно сдулся и поник, точно побитый морозом баклажан.

— Шэн Шаою, да я же каждый год в первый день лунного месяца первым бегу ставить благовония в буддийский храм! И кланяюсь с куда большим усердием, чем ты! Почему небеса так несправедливы ко мне?! Почему всё самое лучшее достаётся тебе?

Шэн Шаою парировал:

— А ты не пробовал задуматься: может, ты творишь слишком много гадостей, и твои заслуги не перевешивают грехи?

— Тьфу! — возмущённо взвился Ли Боцяо. — Да какие я гадости творю?! — Заметив идущего с трека Хуа Юна, который даже утирая пот выглядел невероятно аппетитно, он тут же снова сник, опустил голову и пробормотал: — В Тяньдихуэй я бываю чаще тебя, и все говорят, что самые изысканные свежие фрукты обитают именно там! Почему мне ни разу не попадалось такое небесное лакомство? Чёрт побери, этот сопляк Чэн Юйшань явно недостаточно старается! Нет, при случае надо на него надавить, пусть обязательно найдёт мне кого-нибудь столь же горячего, как эта орхидея!

Чэн Юйшань был акционером Тяньдихуэй и другом детства Ли Боцяо. В городе Цзянху он держал несколько элитных развлекательных клубов и центров отдыха. Хотя по богатству он уступал таким людям, как Шэн Шаою, его главным козырем являлись обширные связи и знакомство с самыми разными слоями общества.

Именно он в своё время свёл Шэн Шаою и Шэнь Вэньлана.

При этой мысли Шэн Шаою улыбнулся:

— Если подумать, с Хуа Юном меня познакомил как раз Юйшань.

— Что?! — Ли Боцяо снова подскочил, замахав руками. — Этот паршивец Чэн Юйшань! И я-то считал его своим лучшим братом, а он припрятал такое сокровище для тебя и не поделился со мной? Мы вообще после этого братья или кто?!

— Какое ещё сокровище? — Терпение Шэн Шаою по отношению к Ли Боцяо редко длилось дольше трёх минут. Он холодно оборвал его: — Ли Боцяо, ты умеешь разговаривать как человек? Не умеешь — пасть свою закрой.

Ли Боцяо прекрасно знал капризный нрав Шэн Шаою и видел, что этого красавчика-орхидею пока трогать нельзя. В конце концов, сейчас тот находился на самом сердце у молодого господина Шэна! Впрочем, ничто не вечно под луной, и он искренне надеялся, что Шэн Шаою скоро наиграется: они с Чэн Чжэ уже сгорали от нетерпения подобрать чужие объедки!

Заметив, что на этот раз Шэн Шаою рассердился всерьёз, Ли Боцяо благоразумно решил прекратить болтовню. Он тут же пошёл на попятную, изобразив жест застёгивания молнии на рту, и пробормотал:

— Ладно-ладно, слежу за базаром, да, буду следить за языком! Продолжай, как это Юйшань познакомил тебя с таким безупречным белым ландышем?

— Хуа Юн — секретарь Шэнь Вэньлана.

— А? Шэнь Вэньлан?

— Ага. Юйшань свёл меня с Шэнь Вэньланом, и хотя сделка между Шэнфан и HS в итоге сорвалась… — Шэн Шаою не сводил глаз с Хуа Юна, который как раз обсуждал с тренером технику прохождения поворотов. Его жгучий взгляд накрепко приковался к мягким очертаниям профиля омеги, и он добавил с лёгкой улыбкой: — Зато я увёл у Шэнь Вэньлана Хуа Юна, так что в накладе я не остался.

— Еб*ть! — не удержался от ругательства Ли Боцяо. — Такой живой, утончённый омега был под боком у Шэнь Вэньлана, а тот смог сдержаться и не пометить его?! Этот парень вообще альфа или кто?!

Шэн Шаою:

— Шэнь Вэньлан терпеть не может омег.

— Не любит омег, и всё равно держал Хуа Юна при себе?

— Тот единственный омега из всего персонала, кто работал рядом с ним.

— Охереть! Так ведь молодая госпожа в смертельной опасности!

Ли Боцяо сболтнул это, не подумав. Шэн Шаою бросил на него равнодушный взгляд, но поправлять не стал, лишь бросил:

— Но Хуа Юн любит только меня.

У Ли Боцяо мгновенно заныли зубы, и он скривился:

— А, ну да, ну да, мы все знаем, какой великий у тебя дар обольщения, молодой господин Шэн! Любит так любит, ещё и это «любит только тебя»… Шэн Шаою, ты меня до изжоги доведёшь своей кислятиной. Чёрт, знал бы прикуп — не звал бы тебя сегодня. Столько сахара за один день, у меня скоро зубы выпадут!

http://bllate.org/book/24907/2947708